

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(063)

М. В. Талашов

Динамика русско-половецких отношений во второй половине XI–XII в.

Статья посвящена сложной проблеме взаимоотношений Киевского государства и русских земель в период раздробленности с половцами, занявшими степи Северного Причерноморья в середине XI столетия. Автор стремится выявить взаимосвязь между развитием политических институтов на Руси и активностью кочевников. Подчеркивается, что апогей половецкого натиска приходится на вторую половину XI в., период триумvirата Ярославичей и безуспешных попыток построения иерархической системы отчинного княжеского владения. В это время кочевники не только успешно разоряли пограничные русские территории, но и принимали активное участие в усобицах. Усиливавшееся давление со стороны nomadов способствовало временному укреплению великокняжеской власти. Любечский и Долобский съезды князей продемонстрировали их готовность прекратить внутренние конфликты с целью организации отпора противнику. Победы первой четверти XII столетия и стабилизация внутривнутриполитической обстановки на Руси при Владимире Мономахе и его наследнике Мстиславе Великом заставили половцев уйти за Дон и на Кавказ. Однако ослабление внешней угрозы привело к ускорению дезинтеграционных процессов и, как следствие, возвращению кочевников в степи Северного Причерноморья. В междоусобных войнах второй половины XII в. половцы вновь стали фактором, усиливающим феодальную раздробленность.

Ключевые слова: князь, половцы, набег, усобицы, раздробленность, кочевник, степь, порубежье, поход, хан, орда, внешняя угроза.

M. V. Talashov

Dynamics of Russian-Polovtsian Relations in the Second Half of the XI–XII century

The article is dedicated to the problem of relationship between Kievan Rus and Russian counties in the time of feudal division and the Polovtsians, who occupied the steppes northward the Black Sea in the middle of the 11th century. The author tries to prove interconnection between evolution of the political system in Rus and the nomadic activity, emphasizing the fact that the apogee of Polovtsian onset was in the second half of the 11th century, the epoch of the Yaroslaviches' triumvirate and unsuccessful attempts to form the hierarchical system of patrimonial princely domain. The increasing pressure which the nomads put on Rus favoured the consolidation of grand-ducal power in Kiev. The victories won by Vladimir Monomakh and his son Mstislav the Great in the beginning of the 12th century made the Polovtsians migrate to the steppes behind the Don and to the Caucasus. The slackening of outside threats intensified the process of inner disintegration and let the nomads come back. During the intestine wars of the second half of the 12th century the Polovtsians became the factor accelerating the feudal division once again.

Keywords: a prince, the Polovtsians, raid, intestine wars, feudal division, a nomad, steppe, frontier lands, a campaign, a khan, horde, outside threat.

На протяжении нескольких тысячелетий соседями славян на юге Восточно-Европейской равнины являлись кочевники. В просторах Причерноморских степей сменилось огромное количество тюрко- и ирано-говорящих этносов, в той или иной степени воздействовавших на социально-экономическое, политическое и культурное развитие восточнославянского общества. Среди наиболее многочисленных можно указать хазар, печенегов, торков (гузов) и, конечно же, половцев.

Первое упоминание о половцах, подошедших к границам Киевского государства, встречается в русских летописях под 1055 г., а с нач. 60-х гг. XI столетия в источниках следует бесконечная вереница дат, фиксирующих нападения кочевников на

славянское порубежье. Так, в 1061 г. младший из трех старших Ярославичей, Всеволод, потерпел сокрушительное поражение от nomadов, возглавляемых ханом Иском, а Переяславская земля подверглась жестокому разорению.

Проблема русско-половецких взаимоотношений вызывала неподдельный интерес отечественных исследователей. Отдельные ее аспекты затрагивались в академических трудах Н. М. Карамзина [10], Н. А. Полевого [19], С. М. Соловьева [22], В. О. Ключевского [12] и С. Ф. Платонова [16]. Одно из первых серьезных исследований, посвященных истории половцев, в кон. XIX в. опубликовал П. В. Голубовский [5]. Серьезный вклад в изучение исторического прошлого этого кочевого

этноса внесли В. Г. Васильевский [4] и В. В. Бартольд [1; 2]. В советский период контакты Руси со Степью, и с половецкими ордами в частности, освещались в трудах В. Т. Пашуто [15], Б. А. Рыбакова [20], С. А. Плетневой [17; 18], Н. Ф. Котляра [13], Г. А. Федорова-Давыдова [24], Л. Н. Гумилева [6; 7], Р. Мавродиной [14] и др. На рубеже XX–XXI столетий произошел некоторый спад научной активности: в работах отечественных археологов и востоковедов взаимосвязи Руси с половцами находили явно недостаточное отражение, поскольку предметом исследования как для первых, так и для вторых являлся сам тюркский этнос, а не его соседи. В публикациях В. В. Каргалова [11] и А. О. Добролюбского [8] интересующая нас тематика раскрывалась сжато и, как правило, вне зависимости от проблемы развития древнерусской государственности, хотя именно этот аспект, в силу своей малоизученности, представляет особую актуальность.

Происхождение половцев до сих пор является неясным. Ряд историков склоняется к тому, чтобы считать их разновидностью кимаков, в составе государства которых они, очевидно, пребывали до кон. X в. Будучи потомками сиров, разбитых уйгурами в середине VII столетия, половцы вошли в состав Кимакского каганата под названием «кипчаков», а привычное нам имя получили уже после продвижения в степи Северного Причерноморья. Миграция на запад началась после того, как кипчаки, возобладав над кимаками и полностью поглотив их, в нач. XI в. вытеснили племена гузов в Восточную Европу, расселившись на обширной территории Приаралья. Уже к середине XI в. ареал кочевания кипчаков простирался от Иртыша на востоке до Волги на западе. Окончательно разгромив гузов, они стали хозяевами на юге Восточной Европы.

Уже первые столкновения с половцами показали, насколько опасный это был противник. Поражение, которое потерпел переяславский князь Всеволод, было лишь первой весточкой в цепи последовавших трагических событий. Сложившийся на Руси после смерти Ярослава триумvirат его старших сыновей оказался слишком нестабильным политическим объединением. Братья были абсолютно самостоятельны как в своих отчинах, так и в своих внешних контактах: если Изяслав ориентировался на свою западную соседку – Польшу, то Святослав и Всеволод рассчитывали на союз с Германией, враждебно настроенной по отношению к польской короне. В 1068 г. Ярославичи выступили в поход против половцев, но были разгромлены кочевниками в сражении на р. Альте. Святослав ушел в Чернигов, Изяслав и Всеволод бежали в Киев, где возмущенные про-

изошедшей катастрофой посадские потребовали от князя выдать им лошадей и оружие, а после отказа изгнали его из города. Ни Всеволод, ни Святослав не вступились за старшего брата, получившего убежище в Польше. Половцы грабили русские земли до осени. Только 1 ноября 1068 г. Святославу Ярославичу удалось разбить их в битве под Сновском и принудить уйти в степь. Пользуясь правом старшего, Святослав отобрал Новгород у находившегося в бегах Изяслава и посадил там своего сына – Глеба. Несмотря на возвращение в 1069 г. старшего Ярославича, вновь занявшего Киев, единства между братьями больше не было. Уже через четыре года триединая политическая система, сложившаяся в стране после смерти Ярослава, окончательно рухнула, и именно половцы ускорили ее гибель, своим вторжением обострив назревавшие в триумvirате противоречия.

Ослабление власти великого киевского князя, увеличение числа князей-изгоев и усиление борьбы за вотчинное наследство способствовали активизации кочевых набегов на русские рубежи. При этом номады становились постоянными участниками усобиц на Руси: в 1073, 1078 и 1079 гг. их отряды поддерживали Святославичей и их союзников в противостоянии Изяславу и Всеволоду Ярославичам. В 90-х гг. XI в. половецкий натиск достиг своего апогея. Б. А. Рыбаков связал это с «ухудшением жизненных условий в степях и попыткой половецких ханов выйти из кризиса за счет ограбления Руси» [20. С. 114]. Однако очевиден и тот факт, что активизация тюрков в русском порубежье была вызвана дальнейшим снижением политической роли Киева при Святополке II Изяславиче и новой волной жестоких усобиц, в которых погрязли русские князья. Совместные усилия Святополка и Владимира Мономаха, направленные на сохранение единства страны посредством выстраивания иерархической системы отчинного княжеского владения, не увенчались успехом [21, с. 471–476]. В значительной степени это объясняется противоречиями между двоюродными братьями, соперничавшими между собой за политическое первенство на Руси. В 1093 г., когда половцы вновь подступили к пограничью, Святополк II обратился за поддержкой к Владимиру Всеволодовичу, намереваясь дать бой кочевникам. Однако между князьями произошла размолвка: Мономах считал военные действия неоправданными и предлагал начать переговоры о мире. Лишь под давлением дружины он уступил киевскому владыке и привел свои полки на р. Стугну. Тем не менее, развернувшееся здесь сражение закончилось для союзников катастрофой. Святополк бежал в Треполь, а оттуда – в Киев. Мономах, потеряв родного брата Ростислава Всеволодовича, с

трудом добрался до левого берега Днепра и ушел в Чернигов. Попытка киевлян повторно испытать удачу и разбить степняков у стен собственной столицы опять обернулась провалом. Половцы осадили, взяли и сожгли г. Торческ, уведя с собой большой полон.

Поражения 1093–1094 гг. со всей очевидностью показали необходимость объединения усилий для оказания отпора врагу, но даже Любечский съезд не сумел привести князей к миру. Инициатором новой усьобицы стал сам Святополк Изяславич. Опасаясь объединения Василько Тербовльского с Мономахом, он вступил в сговор с Давидом Волынским, обманом заманил Василька в свою столицу и там ослепил. Самоуправство киевского правителя привело к самым неожиданным результатам: сложилась коалиция, участником которой действительно стал Владимир, привлечший на свою сторону черниговских Святославичей. Объединившись, князья подступили к Киеву и потребовали от Святополка ответа. Князь пытался бежать, но киевляне не выпустили его из города, принудив к примирению с братьями на условиях совместного выступления против Давида. На Волыни началась затяжная и кровавая усьобица, в которой каждый из противоборствующих лагерей стремился реализовать собственные интересы. Только в 1100 г. совещание князей в Уветичах, по приговору которого был лишен вотчины Давид Волынский, позволило устранить наиболее острые противоречия и достигнуть необходимой внутривосточной стабильности. В итоге, уже в 1103 г., после Долобского съезда, благодаря смене оборонительной тактики на наступательную, удалось добиться временного перевеса над Степью. Разгром половцев близ урочища Сутень на три года утихомирил кочевников. Когда же в 1106 г. большая орда под командованием ханов Боняка и Шарукана вновь вторглась на Русь, объединенное войско русских князей опрокинуло его встречным ударом на р. Хорол. Крупнейший поход в половецкие земли был организован Владимиром Мономахом в 1111 г. В результате, были взяты крупнейшие становища половцев, Шарукань и Сугров, а кочевники потерпели еще одно тяжелое поражение на р. Сольнице. Организация военных походов в Степь сочеталась с заключением династических браков. В 1107 г. Мономах женил своего сына Юрия (будущего Долгорукого) на дочери хана Аепы. В 1117 г. другой сын Владимира, Андрей, вступил в брак с внучкой Тугоркана. На дочерях половецких ханов женились Святополк II и Святослав Ольгович [23, с. 153–168]. Родственные узы позволяли русским князьям

привлечь на свою сторону ряд кочевых родов и частично обезопасить свои владения.

Благодаря искусной дипломатии и успешным военным действиям на южных и юго-восточных рубежах страны водворилось относительное спокойствие. В период пребывания на киевском столе Мономаха и его наследника Мстислава Великого половцы вынуждены были откатиться за Дон и Волгу. Значительная их часть даже ушла в Закавказье. В дальнейшем они оказались на службе у грузинского царя Давида Строителя (1089–1125 гг.), составив костяк его армии в борьбе с турками-сельджуками.

Необходимость отражения кочевого натиска, сосредоточения людских и материальных ресурсов способствовали временному усилению великокняжеской власти. Оказавшись на киевском столе, Мономах активно использовал свой новый статус для укрепления положения семьи и борьбы с сепаратистскими выступлениями. В Переяславль и Смоленск на правах наместников были отправлены сыновья Владимира, в Новгород Великий – его наследник, Мстислав. Когда же в 1116 г. Глеб Минский предпринял попытку овладеть Смоленском, киевский князь лично возглавил карательную акцию против смутьяна, разбил его, лишил вотчины и привел пленником в Киев. В 1117 г. Мономах выступил инициатором похода против Ярослава Святополковича Владимиро-Волынского. Ярослав бежал из города, а его владения были переданы еще одному отпрыску Мономаха – Андрею [21, с. 500–502]. Стабилизация внутривосточной ситуации в стране позволила приступить к осуществлению активной внешней политики. В 1116 г. Владимир Всеволодович поддержал самозванца Льва Диогена, начавшего борьбу с правящим базилиевсом Алексеем I Комнином, и, очевидно, даже выдал за него свою дочь Марицу. Легитимность притязаний Диогена признал целый ряд городов по Дунаю, куда был направлен воевода Иван Войтишич, разместивший здесь русских посадников. Однако в Доростоле Лев был убит, и Владимир пошел на примирение с греками, приняв богатые дары и обручив внучку, Добронегу, с сыном византийского императора [15, с. 186–187].

Победы над половцами нач. XII в. сформировали уверенность в том, что кризис во взаимоотношениях со Степью миновал, и теперь Киев в состоянии справиться с внешней угрозой без поддержки старых союзников. В результате, в 1121 г. Мономах изгнал берендеев, а «торцы и печенези сами бежаша» [9, с. 286]. Таким образом, Киевское государство лишилось кочевников-федератов, с кон. XI столетия

вносивших посильный вклад в поддержание безопасности на его степных границах.

Наследник Владимира, Мстислав I, успешно продолжал политику отца: он эффективно боролся с зачинщиками усобиц и увеличивал фонд земель, принадлежавших Мономаховичам. Так, противостояние Мстислава с полоцкими князьями закончилось их пленением, конфискацией вотчин и высылкой в Константинополь. Борьба за Чернигов, развернувшаяся в лагере Святославичей, привела к тому, что Мстислав отобрал у них Курск и Посемье. Несомненно, что на протяжении короткого правления Мстислава его власть оставалась верховной в отношении всех ветвей династии Рюриковичей, однако нарастающая волна усобиц в данный период со всей очевидностью свидетельствует о разрушении политического порядка, созданного Владимиром Мономахом [21, с. 503–504]. Ослабление половецкой опасности ускорило наступление раздробленности. Уже в 1132 г. киевские князья утратили контроль над Полоцком и Смоленском, в 1136 г. – над Новгородом Великим, в 50-х гг. XII в. совершенно самостоятельной стала Владимиро-Суздальская земля. Русь превратилась в арену противоборства трех ветвей Рюриковичей: сыновей Владимира Мономаха (Владимировичей), сыновей Мстислава Великого (Мстиславичей) и потомков Олега Святославича (Ольговичей). Усиливающейся децентрализацией и нарастающей волной усобиц поспешили воспользоваться половцы. Кочевники активно участвовали в столкновениях между русскими князьями в 40-х – 60-х гг. XII в. [11, с. 64]. Так, в 1152 г., выступив на стороне Юрия Долгорукого, половцы разорили Черниговское княжество, а через два года разграбили окрестности Переяславля. В 1169 г. владимирские полки во главе с сыном Андрея Боголюбского, Мстиславом, взяли Киев и принудили к бегству сидевшего там Мстислава Изяславича Волынского. Когда же последний, в марте 1170 г., попытался вернуть себе город, владимирцы вновь призвали на помощь кочевников. Феодалные войны, в которых погрязли Рюриковичи, дали возможность половцам восстановиться после ударов, нанесенных им в первой четв. XII столетия. В 70–80-х гг. номады вновь тревожили южные и юго-восточные земли Руси. Во многом это связано с формированием крупного кочевого объединения вокруг орды хана Кончака. Однако феодализация половецкого общества, обострение в нем социальных противоречий и ожесточившаяся борьба за власть в преддверии создания собственной государственности заметно снизили масштабы нового натиска из Степи. Подавляющая часть набегов отражалась силами порубежных княжеств. Так, в 1172–1174 гг. половцы трижды

вторгались на Киевщину и трижды терпели поражение. В таких условиях не было необходимости в политической консолидации для борьбы с внешней угрозой, хотя практика организации военных походов посредством объединения вооруженных потенциалов нескольких княжеств не прекратилась совсем. Например, в 1184 г., собрав вокруг себя южнорусских князей, Святослав Всеволодович Киевский сумел разбить сразу двух наиболее влиятельных ханов – Кобяка и Кончака [3, с. 87]. Безусловно, имели место и серьезные неудачи. В 1177 г. половцы вышли победителями в сражении у г. Ростовца [11, с. 66]. Настоящей трагедией в 1185 г. обернулся поход северского князя Игоря Святославича, завершившийся его пленением и разорением Переяславской земли. Однако уже в 90-х гг. XII в. кочевники приходили на Русь только во время усобиц в качестве наемников на службе у Рюриковичей, а в случае вторжения последних в Степь откочевывали вглубь нее, уклоняясь от боя.

Таким образом, во второй пол. XI–XII вв. номады сыграли важную и противоречивую роль в истории страны. Если начало половецкого натиска на Русь способствовало восстановлению и укреплению власти Киевского князя, что особенно проявилось в годы правления Владимира Мономаха и Мстислава I, то после военных поражений начала XII столетия и ухода кочевников на окраины степных просторов процесс политической дезинтеграции возобновился и ускорился. В междоусобных войнах второй половины века половцы, без сомнения, являлись фактором, усиливающим феодальную раздробленность.

Библиографический список

1. Бартольд, В. В. Кавказ, Туркестан, Волга [Текст] / В. В. Бартольд // Бартольд, В. В. Сочинения. Т. II. Часть 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М., 1963. – С. 789–796.
2. Бартольд, В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор) [Текст] / В. В. Бартольд // Бартольд, В. В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 1968. – С. 576–595.
3. Бережков, Н. Г. Хронология русского летописания [Текст] / Н. Г. Бережков. – М., 1963.
4. Васильевский, В. Г. Печенеги и Византия [Текст] / В. Г. Васильевский // Васильевский, В. Г. Труды. – СПб.: Изд-во Академии наук, 1908. – Т. I.
5. Голубовский, П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар [Текст] / П. В. Голубовский. – М.: Вече, 2013.
6. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М., 2001.

7. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия [Текст] / Л. Н. Гумилев // Гумилев, Л. Н. Сочинения. Том 11. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 1998. – С. 17–371.

8. Добролюбовский, А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья [Текст] / А. О. Добролюбовский. – М., 2012.

9. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей [Текст]. – М., 1998. – Т. 2.

10. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Текст] / Н. М. Карамзин. – М., 2006. – Книга 1. – Т. I–IV.

11. Каргалов, В. В. Русь и кочевники [Текст] / В. В. Каргалов. – М., 2004.

12. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций [Текст] / В. О. Ключевский. – Ростов н/Д: Феникс. – Книга 1.

13. Котляр, Н. Ф. Половцы в Грузии и Владимир Мономах [Текст] / Н. Ф. Котляр // Из истории украинско-грузинских связей. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – С. 16–25.

14. Мавродина, Р. М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историографический очерк [Текст] / Р. М. Мавродина. – Л.: Наука, 1983.

15. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси [Текст] / В. Т. Пашуто. – М., 1968.

16. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории [Текст] / С. Ф. Платонов. – М., 1999.

17. Плетнева, С. А. Половцы [Текст] / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1990.

18. Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья: Поиски истинных закономерностей [Текст] / С. А. Плетнева. – М., 1982.

19. Полевой, Н. А. История русского народа [Текст] / Н. А. Полевой. – М., 2008.

20. Рыбаков, Б. А. Первые века русской истории [Текст] / Б. А. Рыбаков. – М., 1964.

21. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь [Текст] / М. Б. Свердлов. – М., 2003.

22. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен [Текст] / С. М. Соловьев. – М., 2009.

23. Толочко, В. В. Династические браки на Руси XII–XIII вв. [Текст] / В. В. Толочко. – СПб., 2014.

24. Федоров-Давыдов, Г. А. Курганы, идолы, монеты [Текст] / Г. А. Федоров-Давыдов. – М., 1968.

4. Vasil'yevskiy, V. G. Pechenegi i Vizantiya [Tekst] / V. G. Vasil'yevskiy // Vasil'yevskiy, V. G. Trudy. – SPb.: Izd-vo Akademii nauk, 1908. – Т. I.

5. Golubovskiy, P. V. Pechenegi, torki i polovtsy do nashestviya tatar [Tekst] / P. V. Golubovskiy. – М.: Veche, 2013.

6. Gumilev, L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Tekst] / L. N. Gumilev. – М., 2001.

7. Gumilev, L. N. Tysyacheletiyе vоkrug Kaspiya [Tekst] / L. N. Gumilev // Gumilev, L. N. Sochineniya. Tom 11. Tysyacheletiyе vоkrug Kaspiya. – М., 1998. – S. 17–371.

8. Dobrolyubskiy, A. O. Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya [Tekst] / A. O. Dobrolyubskiy. – М., 2012.

9. Ipat'yevskaya letopis'. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Tekst]. – М., 1998. – Т. 2.

10. Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [Tekst] / N. M. Karamzin. – М., 2006. – Kniga 1. – Т. I–IV.

11. Kargalov, V. V. Rus' i kochevniki [Tekst] / V. V. Kargalov. – М., 2004.

12. Klyuchevskiy, V. O. Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy [Tekst] / V. O. Klyuchevskiy. – Rostov n/D: Feniks. – Книга 1.

13. Kotlyar, N. F. Polovtsy v Gruzii i Vladimir Monomakh [Tekst] / N. F. Kotlyar // Iz istorii ukrainkogruzinskikh svyazey. – Tbilisi: Metsniyereba, 1968. – S. 16–25.

14. Mavrodina, R. M. Kiyevskaya Rus' i kochevniki (pechenegi, torki, polovtsy): Istoriograficheskiy ocherk [Tekst] / R. M. Mavrodina. – L.: Nauka, 1983.

15. Pashuto, V. T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi [Tekst] / V. T. Pashuto. – М., 1968.

16. Platonov, S. F. Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii [Tekst] / S. F. Platonov. – М., 1999.

17. Pletneva, S. A. Polovtsy [Tekst] / S. A. Pletneva. – М.: Nauka, 1990.

18. Pletneva, S. A. Kochevniki Srednevekov'ya: Poiski istinnykh zakonemernostey [Tekst] / S. A. Pletneva. – М., 1982.

19. Polevoy, N. A. Istoriya russkogo naroda [Tekst] / N. A. Polevoy. – М., 2008.

20. Rybakov, B. A. Pervyye veka russkoy istorii [Tekst] / B. A. Rybakov. – М., 1964.

21. Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus' [Tekst] / M. B. Sverdlov. – М., 2003.

22. Solov'yev, S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh времен [Tekst] / S. M. Solov'yev. – М., 2009.

23. Tolochko, V. V. Dinasticheskiye braki na Rusi XII–XIII vv. [Tekst] / V. V. Tolochko. – SPb., 2014.

24. Fedorov-Davydov, G. A. Kurgany, idoly, monety [Tekst] / G. A. Fedorov-Davydov. – М., 1968.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bartol'd, V. V. Kavkaz, Turkestan, Volga [Tekst] / V. V. Bartol'd // Bartol'd, V. V. Sochineniya. T. II. Chast' 1. Obshchiye raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Yevropy. – М., 1963. – S. 789–796.

2. Bartol'd, V. V. Tyurki (istoriko-etnograficheskiy obzor) [Tekst] / V. V. Bartol'd // Bartol'd, V. V. Sochineniya. T. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov. – М., 1968. – S. 576–595.

3. Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya [Tekst] / N. G. Berezhkov. – М., 1963.